

ЭННИ
ДАЙВЕР



Ложка ДЁГТЯ
ДЛЯ БЫВШЕГО

Энни Дайвер
Ложка дегтя для бывшего

«Автор»

2026

Дайвер Э.

Ложка дегтя для бывшего / Э. Дайвер — «Автор», 2026

Свадьба дочери — это стресс. Свадьба дочери в доме бывшего мужа и по совместительству военного в отставке — это катастрофа. А если он ещё и хорош, как в молодости, — это армагеддон. Мы в разводе десять лет, не виделись — пять. И теперь нам предстоит провести полторы недели вместе, готовясь к самому важному событию в жизни любой девушки. Главное — сохранять спокойствие и ни под каким предлогом не оставаться с бывшим наедине. Но, кажется, у него другие планы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Энни Дайвер

Ложка дегтя для бывшего

Глава 1

— Мама, это катастрофа! Я останусь без свадьбы! — голос дочери через динамики заполняет салон машины.

— Не останешься. Мы что-нибудь придумаем, — произношу отстраненно, сосредоточившись на поиске свободного места на парковке торгового центра. Здесь, как всегда, забито, и этот факт идет вразрез с информацией из утренних новостей, согласно которой девяносто процентов населения нашего города считают, что им мало платят. Откуда тогда деньги на машины и шопинг в разгар рабочего дня? — Что-нибудь нормальное, — давлю интонациями.

— Что? Все приличные места в городе давно заняты!

— Давай позвоним на винодельню? Там несколько залов и большая территория. Уверена, владелец пойдет мне навстречу и организует нам беседку на свежем воздухе вдали ото всех.

— Там у всех были свадьбы два года подряд! Нет, — капризничает невеста, и я совершенно не завидую ее будущему мужу. Характер Насти — это жгучая смесь моей вредности и упрямства ее отца.

— Зато это проверенное место, и вся аппаратура там будет работать, а форс-мажоры уладят специально нанятые для этого люди, — стою на своем. Хозяин винодельни — мой бывший одноклассник, и он обещал мне хорошую скидку на мероприятия.

Наконец втискиваюсь между внедорожником исполинских размеров и крохотным «Матизом». Как вообще они до сих пор ездят? И не страшно ведь людям в этих бешеных табуретках.

— Поэтому я и прошу тебя приехать пораньше, чтобы все проверить здесь. И ты обещала помогать со свадьбой! — бросает неоспоримый аргумент Настя, после которого мне остается только вздохнуть.

Потому что обещала, это правда. Но это было до того, как моя девятнадцатилетняя дочь и ее жених решили, что будут справлять свадьбу в доме моего бывшего мужа, с которым я развелась десять лет назад, и о котором слышать ничего не хочу. Мы не виделись последние лет пять, когда дети достаточно подросли и им не требовался постоянный присмотр.

А теперь Настя хочет, чтобы я не просто встретила нос к носу, но еще и провела полторы недели в компании с Емельяновым. Меня бросает в жар от одной только мысли.

— Это манипуляция, Настя, — чувствую, как моя категоричность разваливается со скоростью карточного домика под легким ветром. — Я прекрасно помню свои слова, но мы не обсуждали поездку к черту на кулички.

— Мам, ну ты ведь знаешь, что ресторан подвел. А у папы такие территории и огромный дом. Не использовать их просто преступление! Я сейчас пришлю тебе фотки.

Уже через несколько секунд телефон вибрирует, и я, втиснувшись в освободившееся место, снимаю его с подставки. Фотографии загружаются, как назло, быстро, не оставляя мне возможности подумать о том, в каком запущении находится дом бывшего супруга. Я, конечно же, какое-то время малодушно надеялась, что после развода жизнь Емельянова покатится под откос, и он будет кусать локти, что потерял такую, как я, умницу и красавицу с двумя красными дипломами и должностью главного бухгалтера. Но этого не случилось, наоборот, бывший ударился во вторую молодость и менял женщин, как носки, в течение двух лет. Потом я попросту перестала следить, решив не ущемлять свою гордость наблюдениями за похождениями офицера с кризисом среднего возраста.

В моей личной жизни все это время был штиль. Иногда, конечно, океан любви колыбался, но это были настолько незначительные волнения, что я их даже не вспоминаю, а последние три года я и вовсе придерживаюсь рациона счастливой одиночки и избегаю мужского внимания. Мои ровесники повально ищут женщину-наседку, которая обеспечит им комфортную старость и создаст домашний уют. Я же записывать себя в няньки взрослому ленивому лбу не готова, поэтому сознательно игнорирую флирты на корпоративах и во время встреч с подружками.

— Ну как тебе? — спрашивает Настя, отвлекая меня от упаднических мыслей, и я возвращаю взгляд к экрану.

Фотографии такие яркие и сочные, что поначалу мне кажется, будто это фотошоп или хорошая работа ретушера, но я точно знаю, что Настя бы не стала обманывать. Она грезит об идеальной свадьбе, и ей точно нужно лучшее место из возможных.

На кадрах сплошь сады и территории немислимых масштабов. А дом он больше похож на португальские кинты, чем на загородное жилье военного пенсионера. Поместье настолько огромное и величественное, что мне поначалу не верится в правдивость происходящего.

— Твой отец в последние годы брал взятки, что ли? — шучу я неуместно, не зная, как реагировать.

На одной из фотографий глаз цепляется за мужскую фигуру в свободной льняной рубашке. Я безошибочно опознаю Емельянова и его внушительные размеры, которые с годами стали, кажется, более выдающимися. В груди что-то сжимается и тянет — то ли тоска по былому, то ли злость, что бывший все еще в прекрасной форме, то ли несварение, потому что утром я, наплевав на все постулаты здорового питания, съела целых два бутерброда с маслом и колбасой.

— Мам! — возмущается мой ребенок. Настя от и до папина дочь, и хоть после развода она жила со мной, но об отце никогда не отзывалась плохо. Я тоже себе не позволяла подобного в присутствии детей. Это у нас с Юрой не сложилась семья, но дети получились чудеснейшие, и никто из нас не хотел их расстраивать.

— Нет, я правда не понимаю, откуда он взял столько денег, чтобы купить хотя бы всю эту землю, не говоря уже о доме, — смягчаю тон и переключаюсь с автомобильной гарнитуры на телефон.

Выхожу из машины и спешу к торговому центру. Здесь находится ателье, в котором я шью платье на свадьбу дочери. Сегодня финальная примерка, но мое настроение красоваться стремительно тает, стоит вспомнить, как Емельянов смотрелся в домашнем наряде. Чтобы выглядеть презентабельно на его фоне, мне придется перебрать свой гардероб и, кажется, внести парочку изменений в будущий наряд.

— Он купил дом по какой-то программе, теперь восстанавливает. И еще у папы своя пасека. Я покажу тебе все, если приедешь сегодня. Тебе тут правда понравится, — мечтательно тянет Настя, она живет там вот уже два дня. — Только захвати что-то из нормальной еды. Есть перловую кашу за родину нашу больше не могу.

Усмехаюсь. Все же привычки у Емельянова даже после увольнения со службы остались неизменными.

— Я не согласилась никуда ехать, — рычу, обходя нерасторопных людей. Не могут они идти чуточку быстрее? — И я все еще считаю, что это плохой вариант.

— Ага, папа так и сказал, — Настя говорит с набитым ртом. Перловку, что ли, распробовала? — Что ты откажешься и, как всегда, пойдешь по пути наибольшего сопротивления.

Закипаю от злости. Господи, зачем я вообще согласилась влезть в жизнь взрослых детей? Пусть бы сами разбирались со своими женитьбами и набивали собственные шишки!

Еще и Емельянов Всегда он все знает лучше всех, посмотрите какой деловой. И как только погоны не жмут.

— Ну раз вы с отцом все уже обсудили, то и готовьтесь к свадьбе вместе! — выпаливаю гневно и бросаю трубку.

Останавливаюсь посреди парковки. Несколько ударов сердца отдаются гулом в теле. Ну что я за мать-то такая, если брошу ребенка в самый ответственный момент?

Вдох-выдох.

Набираю номер дочери.

Глава 2

Дорога резко уходит вправо, и меня едва не уносит на обочину, потому что я не успеваю сбавить скорость. Так можно и половины родственников лишиться ненароком. Жалко будет, мы ведь все равно подготовим для них места за праздничным столом.

Я переключаюсь на дальний свет и продолжаю рулить в сумерках. Навигатор услужливо сообщает, что «до конца маршрута осталось восемнадцать километров». Значит, скоро асфальт сменится на грунт, и мои почки ждет хорошая встряска.

Конечно, мы с Настей помирились и пришли к компромиссу, поэтому, несмотря на абсурдность идеи, я еду к ней, чтобы посмотреть на это прекрасное жилище бывшего мужа воочию и убедиться, что место совершенно непригодно для главного события в жизни девушки.

В чем заключается компромисс? Я смотрю дом, Настя соглашается поехать на винодельню. После мы примем централизованное взвешенное решение.

И, надеюсь, будем играть свадьбу на винодельне. Нужно ведь еще скорректировать приглашения и разослать их гостям. Хорошо, что мои прогрессивные дети не печатали их, а рассылали онлайн красивыми открытками.

Жилище бывшего мужа оказывается на краю деревни, а сразу за ним — большое поле, упирающееся в лес. Зрелище, конечно, жутковатое, особенно вечером, когда солнце уже не освещает мир вокруг.

Вместо ворот здесь шлагбаум, впускающий меня на территорию. Рядом на столбе болтается одинокий фонарь, а под ним — камера. Видимо, через нее мой приезд и замечают, потому что шлагбаум поднимается почти сразу, и дальше я еду по территории. По периметру — забор из досок как на американских ранчо, через который разве что ленивый не пролезет. У Емельянова пропала одержимость безопасностью?

Здесь все под линейку. Деревья стоят ровными рядами, как в лесополосе. Газон подстрижен так, что можно положить сверху уровень и не обнаружить ни единой погрешности. Клумбы — идеальных форм и размеров, цветы высажены в определенные композиции и не конкурируют между собой в цветовой палитре. Это в духе Емельянова, да, порядок во всем. Не удивлюсь, если и пчелы у него ходят строевым шагом и жужжат трехкратное ура.

Из пристройки, плотно примыкающего к основному большому дому с белыми стенами, выбегает Настя. Она машет руками, показывая, где можно припарковаться. Занимаю место перед входом, камни хрустят под колесами, один оказывается настолько большим, что машина подпрыгивает.

Выхожу на улицу, прохлада вечера тут же ложится на плечи.

— Наконец-то! — дочь радостно подпрыгивает и бросается в мои объятия. — Я собиралась тебе звонить. Ты долго. Все в порядке?

Из дома побольше раздается грохот, и мы с дочкой оборачиваемся. Внутри темно, по крайней мере в узких окошках, выходящих на сторону двора, не горит свет.

— Там Что-то происходит? — незнакомое место повышает мою тревожность.

— А, там папа с Русланом весь день возьется. Водопровод, кажется, чинят, — Настя взмахивает рукой, будто это мелочи.

Я же в очередной раз убеждаюсь, что моя дочь слишком легко ко всему относится. Если в доме нет воды, как она собирается размещать всех гостей? И где им принимать душ, не говоря уже о туалетных делах? Ужас!

Не нужно было вообще сюда приезжать.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас?

— Мама, все нормально, не суетись. Они успеют, — Настя берет меня под руку и ведет к мини-дому. — Давай я тебе чай налью, он на травах, папа сам собирал в лесу.

— Не надо чая. Лучше покажи мне здесь все, пока окончательно не стемнело.

И, возможно, я даже успею отсюда уехать и ночь провести в своей кровати на ортопедическом матрасе.

— Пойдем, — воодушевляется дочь, будто только этого и ждала. — На заднем дворе так много места, и там есть идеальная площадка под шатер и зону регистрации.

Мы обходим дом по дуге. Тут везде мощные дорожки, по бокам которых из земли торчат фонарики, работающие на солнечных батарейках, и освещают путь. Дышится тут тоже легко — свежесть, легкая сладость цветов, влага от политого газона — все смешивается в аромат свободы и спокойствия, и я начинаю понимать, почему моей дочери, с детства любившей природу, здесь понравилось.

Я рассматриваю, как тут все устроено. Везде — идеальный порядок, как будто тут трудится по меньшей мере двадцать человек. Чтобы держать такую территорию ухоженной, нужно работать здесь сутки напролет. И не то чтобы я не верила в силы бывшего мужа, но для одного человека, даже рукастого, это невозможно.

— А папа один тут живет? — вдруг спрашиваю.

Настя округляет глаза от удивления и растерянно качает головой.

— Ты что, мам! Я бы не звала тебя сюда, если бы у папы была женщина. Это неэтично, что ли.

О господи! Теперь от шока замираю я. Настя решила, что я интересуюсь личной жизнью ее отца — это катастрофа. Армагеддон, не меньше.

Щеки печет от стыда, а между лопатками разгорается зуд.

— Я не это имела в виду, — прокашливаюсь. В горле пересыхает. — Здесь очень аккуратно и чисто. Наверное, есть помощники?

— А, — Настя закатывает глаза и улыбается. — Тут сосед, папа иногда просит его помочь. А в остальном он справляется со всем сам. Только на пасеке есть рабочие, но я их не видела, — мы минуем угол дома и наконец выходим на ту самую поляну, про которую говорила Настя. — Вот, смотри, — она разводит руки в стороны и отступает от меня на пару шагов. — Круто, правда?

Поляна и правда огромная. Везде — газон, с этой стороны он еще не подстрижен, и кое-где проглядывают желтые одуванчики. Впереди — вид на лес и небольшую гору. Территория просто огромная, и все гости разместятся тут с легкостью. А еще есть деревья, в тени которых можно укрыться, и красиво отделанная зона отдыха с гамаком и уличной мебелью. Я уже представляю, как великолепно будет выглядеть локация и фотозона. Место и правда потрясающее.

Но я сюда приехала не для того, чтобы восхищаться.

— Ничего так, — киваю с видом профессионала и поджимаю губы, пряча улыбку. — Забор только хилый со стороны леса и какой-то обшарпанный.

Какой-то страшный утробный звук раздается сбоку. Это что, вселенское возмущение моим словам? Периферийным зрением улавливаю какое-то движение. А, повернувшись, ахаю, когда замечаю, как на меня несется огромная черная туша, оскалив пасть.

И теперь в утробных звуках я различаю грозный собачий лай. Или, точнее, рев. Зубы клещат, а слюна брызжет в разные стороны. Мощные лапы впиваются в землю и когтями вырывают траву.

— Настя, быстро в дом! — рванув к дочери, толкаю ее в сторону двери. С этой стороны дома она, слава богу, тоже есть.

— Мама, это ж Граф, — Настя упирается. — Граф, уголечек, иди ко мне, — она протягивает руку, но пес ее не замечает.

Он несется прямо на меня.

А я замираю, как олень в свете фар.

Неужели так нелепо закончится моя жизнь? В том, что этот бешеный зверь меня загрызет, я не сомневаюсь. Надеюсь, в некрологе напишут — она умерла под графом. Чтобы моя бесславная смерть не выглядела совсем уж жалкой.

Когда черная туча оказывается совсем близко, так что я чувствую его горячее дыхание, я вскрикиваю. И, вопреки всем правилам, разворачиваюсь и, подталкивая Настю к дому, бегу изо всех сил.

Перестаю различать дорогу перед собой. Слышу только клцанье мощных челюстей и лай. Он, кажется, восторженный, будто чертов зверюга рад, что скоро пустит мою кровь. Ну уж нет!

Я тебе не дамся, Граф!

Оборачиваюсь всего на секунду, чтобы посмотреть, далеко ли он. Взвизгиваю, когда пес пытается поймать меня за край сарафана. Нужно было надеть штаны!

И вообще сюда не приезжать!

Нога в сандалиях скользит по влажной траве. Теряя равновесие, чувствую, как заваливаюсь вперед, не добежав до дома жалкие пару метров.

Слышу испуганный голос Насти. Он одновременно рядом и далеко.

Ладно, нужно хотя бы с гордостью принять неизбежное.

Киваю самой себе и со стоном врезаюсь во что-то твердое. И горячее.

— Граф, фу! — раздается громогласное над головой, а следом на мою поясницу ложится огромная ручища. — Фу! Свои!

Глава 3

Вжимаюсь крепче. Страх клокочет в горле, но крик больше не рвется. В нос бьет запах ржавчины и суровой мужской брутальности, состоящей из тяжелого мускусного аромата и пряного меда. Пальцами хватаюсь за ремешки рабочего комбинезона, будто я могу взобраться по ним и спастись от безжалостных собачьих челюстей.

— Граф, сидеть! — узнаю командирские нотки в тяжелом басы, но продолжаю доверчиво жаться к телу. Оно большое, теплое и надежное. И мое сердце перестает работать в ускоренном режиме, возвращаясь к стандартным настройкам.

И до моего встревоженного бешеным зверем мозга чересчур медленно доходит, кто вышел меня спасать. Хлопаю ресницами раз. Другой.

В крепких объятиях становится тесно и неудобно. И ремешки дурацкого комбинезона начинают давить, еще и пальцы в них путаются.

— Мам, ты в порядке? — голос Насти теперь совсем рядом. Мир обретает краски. — Хорошо, что папа вышел, — она говорит с облегчением и касается моего плеча.

Да, папа.

И мой бывший муж.

Кожа начинает печь в тех местах, где Емельянов меня касается. Торопливо выбираюсь из странных объятий, едва разжав крепкие мужские руки.

— В порядке, — отвечаю возмущенно. — Животных, тем более агрессивных, надо держать в вольере или на цепи, чтобы они не набрасывались на людей.

Пес за моей спиной лениво зевает, издавая протяжный скрипучий звук. Склонив набок морду, рассматривает меня как городскую сумасшедшую.

— А истеричных дам где держать, чтобы они не орали на всю деревню? — спрашивает Емельянов с усмешкой и разглядывает меня, не скрывая любопытства.

Нервным движением приглаживаю сарафан и с трудом останавливаю себя от того, чтобы поправить волосы. Ладони потеют от волнения и сдерживаемого гнева. Мизогин и хам — вот кто мой бывший муж. И с годами он, кажется, стал только хуже.

— Папа! — вскрикивает Настя.

— Шучу, дочь, — он ерошит волосы на Настиной голове. Она уворачивается и хохочет. Все как в детстве. Настя обожает отца, она папина дочка до мозга костей. И это правильно, но сейчас, когда нас с Емельяновым не связывают семейные узы, я ощущаю себя лишней. — Граф просто игручий. Он без команды не нападет. Дай руку, Оль, — он протягивает мне раскрытую ладонь, сам присаживается на корточки сбоку.

Теперь я могу разглядеть его полностью — и блестящие сединой виски, и широкий размах плеч, и даже подтянутую фигуру, которая с годами не утратила былой крепости. Старается, наверное, чтобы впечатлять девиц помоложе.

Злость вспыхивает с новой силой.

Настя бедром подталкивает меня к отцу.

— Зачем это? — робко тяну руку. Несмотря на все, что между нами произошло, бессознательно я все еще доверяю Емельянову. Может, стоит к психологу записаться, чтобы проработать эту тему?

— Знакомиться, ну, — не дождавшись от меня расторопности, сам хватается за запястье и тянет к себе. Едва не теряя равновесие, вовремя натыкаюсь на преграду в виде крепкого емельяновского плеча. Коленом упираюсь под ребра. Бывший муж резко втягивает носом воздух, а я поджимаю губы, пряча улыбку. Так тебе и надо! — Граф, ко мне. Свои, Граф! Дружить!

Отдает команды привычным тоном. Конечно, отставной полковник и не такое умеет. Раздавать приказы Гриша научился еще в двадцать пять с капитанской должностью.

Пес, скуля, осторожно подсаживается ближе. Тычется мокрым носом в мою ладонь. Обнюхивает, слюнявит пальцы и, кажется, довольно причмокивает.

— Молодец, Граф. Свои, дружить, — уже мягче повторяет Емельянов.

От того, как спокойно он произносит «свои», меня мурашит. И я знаю, что это всего лишь команда для пса, не имеющая никакого второго смысла. Но справиться с реакциями тела не получается.

— Ну хватит, — не справившись с брезгливостью, убираю руку. Я люблю животных, но, например, приятных и мягких котиков или хомячков, которые гуляют по квартире в специальном шаре. Гигантские зверюги с пастью, способной вместить половину моей ноги, в этот список не попадают. — Думаю, мы уже подружились. Где здесь можно помыть руки?

— Настя, проводи, — недовольно бросает бывший муж и треплет пса за холку. Тот радостно барабанит хвостом, сминая траву.

Развернувшись, мы с Настей возвращаемся тем же путем, каким шли сюда, но теперь я ощущаю странное жжение в лопатках и на ягодицах. Может, у меня аллергия на это место?

— Граф правда безобидный, мам, — улыбается дочь, обнимая меня за плечи. — А буйный, потому что недолюбленный, как мужчина без женской ласки, — изрекает слишком мудрую мысль для девятнадцати лет Настя. И я изо всех сил стараюсь не перекладывать ее слова на фигуру бывшего мужа и его грубость. У него-то она появилась как следствие профдеформации.

Мы не спеша возвращаемся, как выясняется, к летней кухне.

Настя не переставая тараторит, рассказывая и про фруктовые деревья, и про сад, и про то, что по лесу можно гулять и собирать грибы. Меня эти деревенские истории не впечатляют.

Нет, когда-то я мечтала, что к сорока мы с мужем переберемся в свой дом, я буду любоваться пионами, а муж — возмущаться, мол, понасажала своей травой. По выходным мы будем жарить мясо на гриле с друзьями и детьми, а каждое утро — пить свежесваренный кофе на веранде.

Но все это так и осталось далекими мечтами, не имеющими ничего общего с реальностью. Сейчас я бы с большим удовольствием нежилась не на грядках кверху задом, а где-нибудь на морском побережье с прохладным лимонадом в руках.

— Ну вот как-то так, — Настя заводит меня в пристройку. — Тут три комнаты, но одна используется как кладовка, а так еще кухня и спальня.

Здесь по-казарменному чисто. На большом обеденном столе никакой посуды, стулья стоят шеренгой. Односпальная кровать в углу заправлена ровно, уголки простыни завернуты по-армейски — узнаю руку мастера. В зоне кухни тоже идеальный порядок: ни соринки, ни солинки, ни случайной кружки, оставленной у раковины.

Дальше — отдельная спальная комната. Она большая, в ней старая кровать с сеткой вместо прочного ложа, зато сверху настоящая пуховая перина. Деревенский люкс, не иначе. Порядка здесь уже меньше, и я сразу определяю, что здесь живут Настя с Русланом. Подушки прижаты, покрывало застелено криво, а в углу коллекция грязного белья.

Приходится поджать губы и, развернувшись, торопливо выйти, чтобы не сказать ничего. Потому что любовь к порядку приходит с годами. В девятнадцать все мечтают о том, как покорят Эверест и облетят весь мир, что там до ровно сложенных вещей в шкафу. В сорок ценишь пространство вокруг — чистоту, уют, красоту, созданную своими руками.

— Ма, может, все-таки чай? — Настя отодвигает стул и наблюдает, как я мою руки. С мылом здесь беда, поэтому приходится справляться средством для посуды. — А потом начнем готовить ужин.

— Начнем готовить? — хлопаю глазами, резко обернувшись. Но моя дочь больше не боится грозного родительского взгляда и только шире улыбается. — А ты будущего мужа без меня кормить не собиралась?

— Вот когда станет мужем, тогда и буду кормить, — Настя закатывает глаза. — А пока бутербродов нарежем, и норм. Там в холодильнике еще рыба копченая есть, тоже порежем.

Ну конечно, объедаться на ночь углеводами и солью. Лучший рецепт, если утром нужно пародировать потомков Чингисхана.

— Мамуль, пожалуйста. Так твоей еды хочется, — упрасивает меня лиса, и я сокрушенно качаю головой, хотя внутреннее упрямство не позволяет начать готовить в доме Емельянова. Я в кухарки не нанималась. У меня совершенно другая цель от этой поездки.

— Оль, ты тут? — раздаётся басовитое от двери.

В груди что-то сжимается от того, насколько знакомо и непринужденно звучит голос.

— Да, мы здесь, — отзываюсь, пряча улыбку, что упрямо тянет уголки губ вверх. Емельянов заглядывает в кухню, не переступая порог.

— Если в машине есть какие-то вещи, забери сейчас. Дождь начинается.

Глава 4

Только этого мне не хватало! Какой еще дождь? Пока я ехала сюда, палило солнце, и жарило так, словно дождь не предвидится в ближайшие несколько месяцев.

— Ты серьезно? — не поверив, иду к окну. Емельянов излучает легкое недовольство, которое отзывается раздражением в районе солнечного сплетения. Отодвинув занавеску, цепляюсь взглядом за фонарик на дорожке, в отсвете которого видно морось. — Ладно, сейчас.

— Мы закончим через полчаса. Настя, собери ужин, — командирским тоном, не терпящим возражений, рапортует Емельянов, и наконец оставляет нас с дочкой вдвоем.

Настя дует губы от отцовской резкости, а мне остается только пожать плечами, мол, твой родственник, что уж с ним поделаешь. Остается только принимать таким, какой есть, а если не получается, то принимать пустырьник.

Выбегаю на улицу, ежась от прохладных капель, падающих на плечи. Лезу в багажник, у меня с собой всего одна маленькая сумочка со сменной одеждой и пакет с продуктами, потому что Настя больше не могла жить без авокадо, рукколы и бальзамического уксуса.

Когда мы разбаловали свою дочь?

Возвращаться в дом у меня почему-то нет желания, и я, несмотря на морось, навожу порядок в багажнике, перекладывая с одного места на другое все нужные бутылочки и тряпочки. Проверяю огнетушитель и аптечку.

Внутренний протест растет все сильнее, а после эмоциональной встречи с собакой, я и вовсе чувствую себя выжатой, как лимон. Я бы с удовольствием сейчас полежала в ванной минут сорок, а после включила какой-нибудь старый фильм, чтобы уснуть под него спустя полчаса. Эх, мечты-мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.